

И.И. Наумцев

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ОБРАЗ А.С. ПУШКИНА В СТИХОТВОРЕНИИ Е. БЛАЖЕЕВСКОГО «МИХАЙЛОВСКОЕ»

В статье исследуется образ А.С. Пушкина в художественной рецепции Е. Блажеевского на материале стихотворения «Михайловское». С опорой на литературно-исторические материалы жизни и творчества поэта Золотого века литературы, а также посредством комплексного анализа текста произведения охарактеризованы особенности восприятия образа А.С. Пушкина значимым поэтом второй половины XX века. Последовательное изучение этого вопроса позволяет сделать вывод о непосредственном влиянии не только творчества, но и биографии А.С. Пушкина на поэтическое становление Е. Блажеевского.

Е. Блажеевский, А.С. Пушкин, пушкинский текст, образ, поэзия.

Научный интерес отечественных литературоведов к жизни и творчеству А.С. Пушкина до сих пор не угас, и можно обоснованно предположить, что не угаснет еще очень долгое время. На рубеже XX–XXI веков было открыто новое направление развития пушкиноведения. Работы Б.М. Гаспарова [5], Н.А. Кузьминой [6], Ю.В. Шатина [12] и др. способствовали институализации нового термина – Пушкинский текст русской литературы. В данной статье мы будем рассматривать образ А.С. Пушкина как один из элементов Пушкинского текста в творчестве Е. Блажеевского, который (Пушкинский текст) еще предстоит основательно исследовать.

В докладе «“Пушкинский текст” как объект культурной коммуникации» Ю.В. Шатин, описывая эволюцию «пушкинского мифа» в нашей культуре, замечает: «Первые десятилетия XX века отчетливо характеризуются сломом кода XIX века, сломом, явившимся результатом разложения универсализма. Универсализм сменяется феноменологизмом. Альтернативой тезису: “Пушкин – это наше всё” – становится тезис: “Мой Пушкин”. Своего Пушкина конструируют Брюсов, Цветаева, Ахматова. Вересаев пишет “Пушкина в жизни”, а Ф.Г. Раневская видит сны о Пушкине и записывает их» [12, с. 98]. Художественная рецепция образа А.С. Пушкина в творчестве Е. Блажеевского интересна также в контексте поэтической традиции. Фигура главного поэта Золотого века русской литературы особенно сильно привлекала внимание художников слова Серебряного века. Говоря об этом, мы имеем в виду А.С. Пушкина – поэта, живого человека, биография которого со временем стала объектом художественного осмысления деятелей литературы. Именно в таком качестве образ «Солнца русской поэзии» актуализируется в творчестве Е. Блажеевского. И хотя в рамках постмодернистской практики трансформируется в том числе культурная коммуникация: «...биографический элемент полностью абсорбируется “пушкинским текстом”, абсорбируется до такой степени, что включает наряду с действительными фактами биографии Пушкина откровенно вымышленные, часто

граничащие с абсурдом» – поэт второй половины XX века рассматривает пушкинский образ в большей степени феноменологическим образом, создавая «своего Пушкина» [12, с. 98]. Тем не менее, нельзя не отметить частичную «абсорбцию биографического элемента» художественным текстом «Бориса Годунова» и не только (Там же). Вслед за В. Маяковским («Юбилейное»), С.А. Есениным («Пушкину») Е. Блажеевский осмысляет важные для себя проблемы, обращаясь к образу великого поэта. Однако если старшие товарищи по перу делают это через условно-прямое общение, то Е. Блажеевский прибегает к общению опосредованному, совершая художественную реконструкцию одного эпизода из жизни гениального поэта в стихотворении «Михайловское». Заметим, что в отечественной поэзии последней четверти XX века наблюдается очерной скачок интереса к творчеству и биографии А.С. Пушкина. Знаменательным событием становится публикация в 1978 году «Пушкинского дома» А. Битова, задуманный значительно раньше. «Роман-наказание» (согласно авторскому определению жанра) знаменует не только поколенческий разрыв, но и разрыв преемственности традиций, столь важной в русской культуре и литературе в частности. Вместе с тем образ Пушкина, напротив, набирает популярность у художников слова конца XX века. Так, Ю. Кублановский, хорошо знавший Е. Блажеевского, обращается к биографии Пушкина не только в своей поэзии, но и в множестве интервью, рассматривая его в качестве образца во многих сферах; другой поэт, ближайший друг Е. Блажеевского Е. Бершин в одной из своих книг пишет: «Я проснулся в комнате смеха в холодном поту, с ощущением безвозвратной потери – потому что мне приснилось, будто умер Пушкин» [3]. Однозначно можно сказать, что важность «пушкинского Я» (и как поэта, и как человека) для коллег – современников Е. Блажеевского не вызывает сомнений. Следует заметить, что к частотным в творчестве Е. Блажеевского относятся мотивы поэта и власти, поэта и эпохи, поэзии и исторической реальности – все они ярко представлены в анализируемом нами

стихотворении и осмыслены через призму образа А.С. Пушкина.

У Е. Блажеевского создается образ, соответствующий общепринятому представлению о Пушкине как о «повесе», любителе «шипенья пенистых бокалов» и азартных игр, а дополнительный атрибут добавляет этому образу визуальной узнаваемости: «...бросив трость на стол...» [4, с. 154]. Войдя в дом, герой, очевидно, возбужденный и негодующий по поводу своей ссылки (неслучайно трость была именно брошена), встает у камина:

...Но, бросив трость на стол
И встав возле камина,
Хозяин поглядел
На отблеск вороной
Решетки
И на то,
Как в сумерках карминно
Горит ушедший век
Рельефной стороной... [4, 154]

Воронья решетка в смысловой связке со ссылкой в Михайловское актуализирует ассоциативный ряд: решётка – темница – заточение. Интересным образом в этом контексте звучит открывающая строка стихотворения «Узник» 1822 года: «Сижу за решеткой в темнице сырой» [10]. Созданная в этом стихотворении оппозиция «темницы сырой» как пространства несвободы и свободной природы, где «...гуляем лишь ветер...да я!..», переосмысливается Е. Блажеевским. В «Михайловском» пространство вне дома – туманное, грязное, пустое, дождливое (сырое) и холодное, а в доме с камином, напротив, тепло, светло и сухо. «Темница» поэта становится мнимой потому, что Е. Блажеевский предвидит продуктивный период пушкинского творчества. Создается ощущение, что эта ссылка в действительности делает хуже столичному бомонду, лишенному общества А.С. Пушкина, «света за решеткой». Тем не менее, поэт в стихотворении Е. Блажеевского в расстроенных чувствах размышляет:

...Не лучше ли вина
Пригубить и забыться,
Как мёрзлые поля –
Под вой осенних пург,
И вовсе позабыть,
Что где-то есть столица –
Холодный истукан,
Туманный Петербург... [4, с. 154]

Желание уподобиться «мёрзлым полям» равнозначно желанию окончить жизненный путь. Герой, подобно Гамлету, задается вопросом: «...Достойно ль / Смиряться под ударами судьбы, / Иль надо оказать сопротивление...» [7]. Через психологический параллелизм Е. Блажеевский усиливает ощущение холода и одиночества негодующего Пушкина, который только к концу стихотворения согревается у камина и успокаивается:

Пустые небеса.
Туманом, словно войлоком,

Укутаны поля и облетевший лес.
И день,
Что грязь месил
И в дождь волокся волоком,
Уже сошёл на нет
И в сумерках исчез... [4, с. 153]

Экспозиция представлена разноплановым описанием осени. Сопоставляя его с фактами из биографии А.С. Пушкина, можно предположить, что речь идет об осени 1825 года. Б.В. Томашевский пишет: «Вторую часть трагедии Пушкин закончил 13 сентября 1825 г.» [11, с. 487]. Интересно, что заканчивается она сценой «Ночь. Сад. Фонтан», которая привносит в трагедию тему любви непосредственно переплетенной с интригами и смертью. Возможно, этим продиктован художественный выбор Е. Блажеевским времени года, пишущим:

...Но нет, еще нужны
Забавы и округлый
Прохладный локоток,
И вальса круговерть,
И карты, и метель,
Пока играет в куклы
Подросток Натали –
Его любовь и смерть... [4, с. 155]

Здесь будущее поэта также сопровождается «холодными» образами, однако вместо сырой осени его окружает зима, выступающая в роли антитезы горячему нраву, яркой жизни. Образный ряд из «прохладного локотка», «метели» и «смерти» представляет собой градацию, выражающую неумолимое увядание. Однако «холодная смерть», представленная как дихотомический элемент наравне с «жаркой любовью», делает переход из бытия в небытие не постепенным процессом, а внезапным, как события последней дуэли. Динамику жизни героя усиливают «вальса круговерть» и «метель», последняя в творчестве А.С. Пушкина тесно связана с inferнальными мотивами.

Возвращаясь к экспозиции, отметим, что долгий дождь, грязь, голые деревья – всё это больше походит на описание поздней осени, когда А.С. Пушкин приступил к созданию третьей части, что, по всей видимости, и описано в стихотворении Е. Блажеевского. «Заточение» в Михайловском, хотя и тяготило поэта, стало очень продуктивным этапом его творческой жизни. Впоследствии он сам писал об этом так:

...Здесь меня таинственным щитом
Святое провиденье осенило,
Поэзия, как Ангел-утешитель, спасла меня
И я воскрес душой... [8]

По меткому выражению П.В. Анненкова, «Борис Годунов», любимое произведение Пушкина, «составляло, так сказать, часть его самого, зерно, из которого выросли почти все его исторические и большая часть литературных убеждений» [1]. Неслучайно Е. Блажеевский, описывая размышления поэта, использует фразу: «Мирская власть – обман» [4, с. 154]. Именно

об этом, вероятно, думал А.С. Пушкин, работая над «Борисом Годуновым», а спустя одиннадцать лет увенчал эту мысль в знаменитом стихотворении, которое так и называется – «Мирская власть». Заметим, что в этом и выражается «абсорбция биографизма» художественным текстом, о которой писал Ю.В. Шатин: в «Михайловском» А.С. Пушкин представлен таким образом, что реальные факты из его биографии служат сюжетным каркасом произведения, а его переживания и мысли даются опосредовано, через восприятие Е. Блажеевского пушкинской поэзии, из-за чего Пушкин как художественный образ выводится из уподобления лирического героя Пушкину-поэту.

Образ Бориса Годунова в произведении Е. Блажеевского описан вполне пушкинскими эпитетами:

...Неужто есть резон
Повесе привечать
Бездомного царя –
Кошмар воображенья,
На чьи черты легла
Кровавая печать?... [4, с. 153]

Борис Годунов незримо следует за Пушкиным, без приглашения входя за ним сени. Однако по его поведению ясно, что он не гость и даже не тень (как в дублистах «На перевод Илиады»), а, скорее, невольник, попавший в поле художественных интересов поэта:

...Хоть и присел в углу
Предчувствием допроса
Томимый и вконец
Измученный Борис... [4, с. 155]

Таким образом, мы наблюдаем картину, когда А.С. Пушкин, продолжая работу над трагедией, как бы общается с ее историческим прототипом. Томимый и измученный, Борис все-таки не может избежать дотошного допроса, а А.С. Пушкин приступает к написанию заключительной части произведения, понимая, что когда-нибудь его век будет так же досконально изучен и художественно осмыслен и, как от пера не скрываются злодеяния «бездомного царя», так в будущем будут описаны козни его недругов. В рамках приведенного анализа выявляется сущность «Моего Пушкина» Е. Блажеевского как гения, гонимого поэта, достигшего вершины поэтической славы вопреки противоборству власти, эпохи. Было установлено, что автор стихотворения «Михайловское» рассматривает

факты пушкинской биографии через призму постмодернистской парадигмы, поэтому кажется оправданным говорить в этом контексте об «абсорбции биографического материала» в рамках художественного осмысления образа Пушкина.

Литература

1. Анненков, П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина / П. В. Анненков. – Текст : электронный // Издательство «Современник». – 1984. – URL: http://az.lib.ru/a/annenkow_p_w/text_0020.shtml (дата обращения: 27.09.2024).
2. Бернштейн, Д. «Борис Годунов» / Д. Бернштейн // [Александр Пушкин]. – Москва : Журнально-газетное объединение, 1934. – С. 215–246.
3. Бершин, Е. «Ассистент клоуна» / Е. Бершин. – Текст : электронный // Журнал «Гостиная». – 2011. – URL: <https://gostinaya.net/?p=23900> (дата обращения: 02.12.2024).
4. Блажеевский, Е. И. Письмо: по праву памяти / Е. Блажеевский ; под редакцией Е. Л. Бершина. – Москва : Арт-Хаус Медиа, 2015. – 449 с.
5. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – Москва : «Новое литературное обозрение», 1996. – 352 с.
6. Кузьмина, Н. А. Пушкинский текст современной поэзии / Н. А. Кузьмина. – Омск : Вестник Омского университета. – 1999. – № 2. – С. 108–117.
7. Пастернак, Б. Быть или не быть (Монолог Гамлета) / Б. Пастернак. – Текст : электронный // Отрывок из пьесы «Гамлет» У. Шекспира в переводе Б. Пастернака : сайт Культура.РФ, 1941. – URL: <https://www.culture.ru/poems/13864/byt-ili-ne-byt-monolog-gamleta> (дата обращения: 27.09.2024).
8. Пушкин, А. С. ...Вновь я посетил... : стихотворение / А. С. Пушкин. – Текст : электронный // сайт Культура.РФ, 1835. – URL: <https://www.culture.ru/poems/5612/vnov-ya-posetil> (дата обращения: 27.09.2024).
9. Пушкин, А. С. Мирская власть : стихотворение / А. С. Пушкин. – Текст : электронный // сайт Культура.РФ, 1836. – URL: <https://www.culture.ru/poems/5056/mirskaya-vlast> (дата обращения: 27.09.2024).
10. Пушкин, А. С. Узник : стихотворение / А. С. Пушкин. – Текст : электронный // сайт Культура.РФ, 1822. – URL: <https://www.culture.ru/poems/4416/uznik> (дата обращения: 27.09.2024).
11. Томашевский, Б. В. Примечания / Б. В. Томашевский // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 10 томах. Том 5. Евгений Онегин. Драматические произведения, 1977–1979 – Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1978. – С. 483–521.
12. Шатин, Ю. В. «Пушкинский текст» как объект культурной коммуникации / Ю. В. Шатин // Australian Slavonic and East European Studies (Formerly Melbourne Slavonic Studies). – 1999. – Vol. 13, N. 1. – С. 97–102.

I.I. Naumtsev

THE IMAGE OF A.S. PUSHKIN IN E. BLAZHEEVSKY'S POEM "MIKHAILOVSKOYE"

The article examines the image of A.S. Pushkin in the artistic perception of E. Blazhevsky in the poem "Mikhailovskoye". Based on the literary and historical materials of the life and work of the poet of the Golden Age of Literature, as well as a comprehensive analysis of the poem, the features of the perception of the image of A.S. Pushkin by a significant poet of the second half of the 20th century are characterized. A consistent study of the topic allows us to conclude that not only A.S. Pushkin's creative work but also his biography influenced the poetic formation of E. Blazhevsky.

E. Blazhevsky, A.S. Pushkin, Pushkin's text, image, poetry.